

Муниципальный этап всероссийской олимпиады школьников
по литературе
2022/2023 учебный год

11 класс

Задание №1
Аналитическое задание
(целостный анализ поэтического ИЛИ прозаического текста – по выбору
ученика)

Выполните целостный анализ стихотворения *Марии Сергеевны Петровых (1908-1979) «Я живу, озираясь...»*, приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: композиционные особенности; роль художественных деталей в развитии лирического сюжета произведения; особенности философского содержания и пафоса стихотворения.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

М. С. Петровых

* * *

Я живу, озираясь,
Что-то вспомнить стараюсь —
И невмочь, как во сне.
Эта злая работа
До холодного пота,
Видно, впрямь не по мне.
Но пора ведь, пора ведь
Что-то разом исправить
Распрямить, разогнуть...
Голос тихий и грозный
Отвечает мне: поздно,
Никого не вернуть.

Я живу, озираясь,
Я припомнить стараюсь
Мой неведомый век.
Все забыла, что было,
Может, я и любила
Только лес, только снег.
Снег – за таинство света
И за то, что безгласен
И со мною согласен
Тишиною пути,
Ну а лес – не за это:
За смятенье, за гомон
И за то, что кругом он,
Стоит в рощу войти...

1969

Выполните целостный анализ рассказа *Бориса Андреевича Пильняка (1894–1938) «Без названия»*. Обратите внимание на следующие особенности его поэтики:

композиционное своеобразие произведения и его заглавие; сюжетную динамику истории, её подтекст; роль художественных деталей в повествовании; объясните особенности и функции языковой стихии рассказа; наконец, постарайтесь сделать вывод о своеобразии авторской позиции в произведении.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый, грамотный текст.

Б. А. Пильняк

Без названия

I

...Очень трудно убить человека, – но гораздо труднее пройти через смерть: так указала биология природы человека.

...Перелесок осиновый, сумерки, дождик. Дождик капает мелкий-мелкий, серый, сырой. Осины пожелтели, шелестят иудами, сыпят мокрые листья. Дорога идет из овражка, в овражке сломанный мост, мочежина. Поле подперло к перелеску, развороченное картошкой. Дорога прошла осинами, колеи набухли грязью, дорога вышла в поле: на горизонте торчит церковная колокольня. Перелесок упирается в настоящий лес, этот треугольник иудиных виселиц. Сумерки, мелкий-мелкий моросит дождик. Облака, должно быть, цепляют за вершины осин. По мосту, по дороге в осиннике, по картофельному полю – не пройдешь: нога увязнет в грязи по колено. Но вот сумерки налились каракатичной кровью ночи, тушевым мраком, и ничего не видно...

И через десятилетия, чрез многие годы всяческих дорог – навсегда в памяти остался этот перелесок в сумерках и дожде, проваливающийся во мрак, в котором ничего не видно: навсегда осталось в памяти такое, где ничего не видно. Вечерами, после улицы дня и после рек московских улиц, надо подниматься лифтом на третий этаж первого дома Советов, того, что на углу Тверской и Моховой. В комнату, если не зажигать электричества, идет синий свет улиц, в синем этом мраке над Кремлем, над зданием ЦИКа плещется красное знамя: знамени не видно, виден только багровый этот красный цвет в черном небе. И миллионный город несет в этажи первого дома Советов осколки своих рокотов...

II

Всё это было двадцать лет назад.

Героев в этом рассказе – трое: он, она и тот третий, которого они убили и который стал между ними.

Этот третий – был провокатором. Этот третий был человеком, продававшим за деньги людей на виселицу, продававшим революцию, ее идеи и ее честь. Он и она вызвались убить этого человека, для которого не было иного имени, кроме мерзавца. Это были дни разгрома революции 1905 года, – и суд над негодяем должен был быть жестоким: побеждаемым не о чем было разговаривать, когда их же брат продавал головы на виселицы, груди под пули и годы человеческих мук на тюрьмы и ссылки, – и разговоров не было.

Она никогда не видела в лицо этого провокатора. Из подполья она поехала в деревню, к деревенскому своему отцу – дьякону. Был июнь месяц. Он – имя его Андрей – приехал к ней в качествах жениха. Всего этого не знал третий, провокатор, не знавший легального имени Андрея. Третий должен был приехать на станцию, лежавшую верстах в пяти от дьяконовой деревни, для связи, и встретиться с Андреем в лесочке, что первый направо от шпал, за овражком.

Был июнь месяц. Как, какими словами рассказать о первой любви? – любви, белой, как ландыши, и тяжелой, в весенности своей, как гречневый цвет, той тяжестью, которой можно перевернуть мир, – любви, не знавшей ничего больше рукопожатья и общих – на мир – вперед – глаз, – любви (и он, и она знали об этом, выверив это двадцатилетием) той, которая бывает (и навсегда остается) единственной. Был сенокосный июнь в коростелиных

сумерках: развевались оржаным ветром оржанные ее волосы и обдувал ветер белое ее платье, чуть тяжелее от вечерней росы, – и широко был расстегнут ворот вышитой его рубахи, и непонятно, каким образом держалась у него на затылке мятая его фуражка. Дьякон в палисаде, после сенокосного дня, глупейшие нравоучения читал о семейной жизни и в наивной хитрости расхваливал, как купец товар, качества своей дочки. При дьяконе весело они играли во влюбленных. Дьякон уходил в сарай спать. Они шли в поле. И, сколь при дьяконе нежно руку клала она ему на плечо, – в поле здесь шли они на аршин друг от друга, в любви, как мартовские льдинки под ногою, и в разговорах – не ниже, чем о Бокле, хоть старый Бокль тогда уже и устарел.

Ни разу не говорили они о том, что они должны убить.

И пришел день, когда в сумерки он сказал, что сегодня ночью они: должны пойти. В этот день они легли спать с курами, – и через час после того, как улеглись они спать, встретились они за овинами в сосняке. По-прежнему на затылке была его фуражка, – из мрака возникнув в белом платье, синяя во мраке, подошла она в белом платочке, монашески повязанном. В руках у нее был узелок.

– Что ты несешь?

– Взяла хлеба на дорогу.

И тогда он поправил фуражку на голове, ничего не сказав. Она взглянула на него, наклонив к нему свое лицо. Она выпрямилась, медленно развязала платочек и бросила в сторону в кусты куски хлеба. Он ничего не сказал.

Сказала она:

– Пойдем.

И они пошли лесною тропинкой, молча. Лес пахнул медами июня, кричал вдали филин, тесною стеною стояли деревья. Они шли рядом, плечо в плечо, молча. Подавал иной раз он ей руку, чтобы помочь, и доверчиво брала она его руку. Надо было спешить к ночному поезду, и они шли торопливо, ни на минуту не приходили к нему мысли о том, что он – тем револьвером, что лежит у него в кармане – должен через час убить человека, потому что он знал, что он должен пристрелить гадину, переставшую быть для него человеком. Что думала она – он не знал, как не узнал никогда. Она шла рядом, его единственное, его любовь, его гречишневые тяжести, – голова ее в белом платочке была упрямо наклонена, так же, как тогда, когда вызвалась она пойти убить провокатора. – Из леса они вышли в поле. Вдалеке в поле возникли огни станции, и быстрее заспешили они, – он шел впереди, и шаг в шаг шла она за ним. Они подошли к осиновой косе. Шелестели иудинно осины, черной стеной стал за осинами сосновый лес, пахнуло с поля картофельным цветом, – горели в вышине блеклые звезды на пепельном российском июньском небе.

Здесь они остановились. Здесь, в этой осиновой косе, должна была остаться она, он должен был пойти к соснам. Вдали прошумел поезд, отошел от станции. Было еще свободных десять минут. Он сел на траву, около осины. Покорно села она рядом.

– А правда, не плохо было бы съесть кусок хлеба, – сказал он.

Она ничего не ответила.

– У тебя револьвер в порядке? – спросил он.

Она молча протянула руку, в руке зажат был револьвер.

– Ты будешь стрелять, если мне не удастся убить. Если я буду тяжело ранен, ты дострелишь меня, – сказал он.

Она наклонила голову в знак утверждения, ничего не сказав.

Больше они не говорили. Он закурил папиросу, выкурил ее в кулак, крепко отплюнулся, поправил фуражку и встал. Она тоже встала.

Он протянул ей руку. Она слабо сжала его руку, потянула ее к себе – и покойным девичьим поцелуем поцеловала она его в губы, первый и последний раз в их жизни. Вновь поправил он фуражку, круто повернулся и пошел во мрак осин. Прошед уже много шагов, он взглянул назад: он увидел белое платье, ее, побежавшую от опушки вниз в овражек, к

мосту, к ольшанику, бежала она широкой решительной побегом. Он пошел дальше, к соснам. Кричали в поле коростели и глубоким покоем шла ночь.

С насыпи в туман овражка, к соснам пошел третий, человек в соломенной шляпе, в пальто. Этот третий пошел к соснам. Этого третьего встретил Андрей.

– Это ты, Кондратий? – спросил третий Андрея.

– Да, это я, – ответил Андрей. – Пойдем.

Они пошли рядом. Андрею показалось, что этот третий идет так, чтобы все время быть сзади Андрея, а когда Андрей клал руку в карман, тот подходил вплотную.

– Что с тобою, Кондратий? – спросил третий.

Андрей ничего не ответил, – отступив шаг назад, выхватил он из кармана револьвер и в упор в грудь выстрелил в провокатора. Тот улыбнулся и сел на землю, беспомощно подняв руки вверх, в правой руке у него был браунинг. Андрей выстрелил второй раз в это улыбающееся лицо. Человек мешком муки повалился навзничь. Андрей пошел прочь, крупными шагами. Так он прошел шагов сто. И тогда вернулся к трупам, наклонился над ним, толкнул его ногой. Труп поправил неестественно подогнувшуюся ногу, лицо мертвецки улыбалось. Андрей еще раз толкнул его и осторожно, как люди, боящиеся заразиться, стал обыскивать его карманы. В это время к соснам подошла она, осмотрела внимательно убитого и Андрея, отошла к опушке, стала спиной к соснам.

Андрей подошел к ней, она молча пошла вперед. Так они и шли: она впереди, он сзади. Все версты они шли, не отдыхая. Над землей возникал рассвет, багровой зарей покрывался восток, месяц, поднявшийся к рассвету, новую посыпал росу. Восход солнца предупредил торжественность тишины. Ни слова не сказали они друг другу за всю дорогу. Бесшумно они прошли в дом.

III

Никогда больше ни слова не сказали они друг другу с глаза на глаз. Наутро тогда веселым смехом она разбудила его, добродушнейшие глупости говорил дьякон за картофельным завтраком, нежной невестой ластилась она к жениху. Дьякон ушел, – они остались одни, – и они замолчали. Так прошло три дня, тогда, когда пережидали они, чтобы замести следы, но за эти три дня даже вести не дошли до их села, – и на четвертый день дьякон отвез их на станцию, перецеловал крепко обоих на перроне, перекрестил, благословил, – и в Москве с вокзала пошли они в разные стороны, ни слова не сказав друг другу.

...Навсегда остались в памяти проселок, перелесок осенний, мост в овражке, картофельное поле. Осины пожелтели, шелестят иудами, сыпят мокрые листья. Все разбухло от осенней грязи, и грязь налипает на сапоги по колено... Но вот сумерки налились каракатичной кровью ночи, и все провалилось во мрак, в котором ничего не видно... – Этот осенний осиновый иудин перелесок остался в памяти не от той ночи, когда он убил здесь человека, ибо тогда был сенокосный, медовый июнь, – но от той, когда он, по странному закону природы, повелевающему убийце прийти на место убийства, – черными осенними сумерками пришел прокоротать ночь на том месте, где он: убил любовь.

...Осенний перелесок, сумерки, дождик, – и потом мрак, в котором ничего не видно... Вечером, после улицы дня и после рек московских улиц, надо подниматься лифтом на третий этаж первого дома Советов. В комнату, если не зажигать электричества, идет синий свет улиц, – и в синем этом мраке над Кремлем, над зданием ЦИК'а плещется красное знамя, – то, ради которого погребен в памяти осиновый перелесок.

*Узкое,
7 ноября 1926*

Задание №2 Творческое задание

Один из выпусков популярного литературного канала «Армен и Федор» посвящен десяти лучшим первым строчкам в истории русской литературы.

Напишите для канала «Армен и Федор» (или для своего канала) подобный же разбор последней строчки (она подчеркнута) романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», помня о том, что ваш материал предназначен для видеоблога:

Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всесильна? О нет! Какое бы страстное, грешное, бунтующее сердце ни скрылось в могиле, цветы, растущие на ней, безмятежно глядят на нас своими невинными глазами: не об одном вечном спокойствии говорят нам они, о том великом спокойствии «равнодушной» природы; они говорят также о вечном примирении и о жизни бесконечной...